

«Вирочем, дорогою доктор, ты лучше других знаешь, чего себя жалеешь...»

Видный ученый-бактериолог Николай Афанасьевич Булгаков – второе медицинское Я Мастера

«Я по своей натуре больше склонен к оптимизму» – эти слова в знаменитой пьесе Михаила Булгакова «Дни Турбиных» звучат в ее начале из уст одного из самых привлекательных героев легендарных спектаклей Николки Турбина. Ему восемнадцать лет, и он, как и старший брат, полковник-артиллерист Алексей Турбин, вскоре попадает в вихрь противоречивых и часто кровавых событий в г. Киеве в преддверии 1920-х годов. Много раз видевшие потрясающий спектакль как бы о себе самих, зрители внимали и заключительным словам Николки перед закрытием занавеса: «Господа, сегодняшний вечер – великий пролог к новой исторической пьесе». В этой пьесе жизни Михаилу Булгакову, лекарю с отличием, в недавнем времени фронтовому и земскому врачу, великому писателю с мировой славой, и его младшим братьям – Николаю, крупному ученому-бактериологу, и Ивану, музыканту, поэту, человеку с очень трудной судьбой – жребий испытаний и свершений отвел совершенно разные роли.

Пьеса жизни

Николай Булгаков родился в 1898 г. и был младше Михаила Афанасьевича на семь лет. Конечно же, нравственный и профессиональный портрет старшего брата при такой достаточно значимой возрастной разнице нередко становится и побудительным ориентиром в становлении юной души. В булгаковском городе начиная с весны 1917 г. все отчетливее и неотвратимее нарастает политическая напряженность, но все же Николаю после окончания гимназии удается подать документы и прошение о зачислении на медицинский факультет университета. Это, в частности, следует из изученных нами архивных данных. Но к учебе он практически не смог приступить, так как был мобилизован в военное училище. В эти нелегкие дни на Печерске возникли перестрелки. Варвара Михайловна так описывала ситуацию в письме дочери Надежде: «Николайчик, стоявший на посту, даже не смог проводить меня после встречи в училище, когда разразился огонь». В дальнейшем Николай Булгаков, очевидно, участвовал как юнкер в попытках П. Скоропадского удержать власть, а потом оказался во врангелевском Крыму и затем в эмиграции.

Этот реальный поток событий в «Белой гвардии» – на самом деле лишь вступление к разворачивающейся биографии Николая Афанасьевича. Наконец, он оказывается в г. Загребе, столице Королевства Сербов и Хорватов, как тогда обозначалась Хорватия. Ему удается стать здесь студентом-медиком. Долгое время родным и близким ничего не было известно о его жизни. И вдруг между ними налаживается переписка. В начале 1922 г. в г. Киев приходит письмо Николаю маме: «После довольно бедственного года я окончательно поправил свои легкие и решил снова начать учебную жизнь... Понадобился целый год службы в одном из госпиталей, чтобы окончательно стать на ноги. Работал с опасными больными крестьянами, а потом в тифозном отделении с 50 больными, и Бог меня вынес целым и невредимым. Все это смягчалось сознанием, что близка намеченная цель. И действительно, я уехал в университет, куда меня устроил профессор М. Лапинский по моим бумагам. Больше всего работал в университетской библиотеке, в которой очень много хороших книг на немецком языке».

Уместно добавить, что и профессор Михаил Никитович Лапинский, учитель его старшего брата, выдающийся киевский ученый-невролог с мировой известностью, также был вынужден в дни революции покинуть Родину.

И вот благодаря этим хлопотам Николай Булгаков – студент! Учитя он блестяще. По окончании университета его оставляют в аспирантуре при кафедре бактериологии, и в 1929 г. после защиты диссертации он удостоивается звания доктора философии. Этот титул отражает принятое на Западе обозначение первоначального статуса ученого вне специальности. Специализация по бактериологии продолжается, и вместе с молодым хорватским ученым-бактериологом В. Сертичем Н. Булгаков выполняет несколько работ по бактериофагам – новому направлению в микробиологии. Исследования оказываются настолько серьезными и продуктивными, что на них останавливает внимание один из основоположников учения о бактериофагах профессор Феликс Д'Эрель. Он приглашает Н. Булгакова и В. Сертича в свой институт в г. Париж. Как раз здесь Николай Булгаков встречается со своим

младшим братом Иваном, также аналогичным образом оказавшемся во Франции.

Новое научное направление

В чем состоят перспективы нового научного направления? Впервые явление бактериофагии – управляемого рассасывания, лизиса микробов за счет их столкновения с определенными бактериальными формами, играющими роль своеобразного «вируса микробов», – обнаружил в 1898 г. Н.Ф. Гамалея. В 1915 г. Туортом также был описан феномен растворения стафилококков в осеннем детрите. Последовал очередной прорыв, на этот раз наиболее существенный. В 1917 г. Д'Эрель выделил из кишечника больного дизентерией фильтрующую субстанцию, растворяющую клетки этих болезнетворных бактерий. Д'Эрель назвал полученный им агент бактериофагом – поглотивителем бактерий – и уже в первых сообщениях указал на их терапевтическое значение. В 1921 г. вышла его монография «Бактериофаги». Бактериофаги пытаются использовать, в ряде случаев весьма успешно, для лечения холеры, дизентерии, чумы, брюшного тифа. Именно на пике этих исследований Д'Эрель приглашает для работы в своих лабораториях двух волонтеров из г. Загреба.

Николай и Иван Булгаковы стремились переписываться с Михаилом. В г. Москву к Михаилу Афанасьевичу Николай направил свою работу «*Bacterium prodigiosum*» (бактерия чудотворная). «Дорогой Коля, ты спрашиваешь меня, интересует ли меня твоя работа? – ответил ему Михаил в феврале 1930 г. – Чрезвычайно интересно! Я получил твой конспект. Я рад и горжусь тем, что в самых трудных условиях ты выбился на дорогу. Я помню тебя юношей, всегда любил, а теперь я твердо убежден, что ты станешь ученым. Меня интересует не только эта работа, но и то, что ты будешь делать в дальнейшем, и очень ты обрадуешь меня, если будешь присылать все, что выйдет у тебя. Поверь, что никто из твоих знакомых не отнесется более внимательно, чем я, к каждой строчке, сочиненной тобой». 7 августа того же года Михаил Афанасьевич писал Николаю: «Счастлив, что ты погружен в науку. Будь блестящ в своих исследованиях, смел, бодр и всегда надейся».

В 1935 г. по поручению Д'Эреля в течение 3 мес Н. Булгаков читал лекции по бактериофагии и совершенствовал круг соответствующих исследований в Максине. Научный дебют такого рода оказался весьма успешным.

Поверенный Мастера

Понятно, что Михаил Афанасьевич жаждал получить и какую-либо весточку от братьев. В 1935 г. Д'Эрель должен был посетить г. Москву, чтобы представить свои работы. М. Булгаков был уведомлен братом об этом и написал, что был бы очень рад такой встрече. К сожалению, она не состоялась, службы политического наблюдения такого не допустили (письма, очевидно, пересматривались).

В сложных условиях того времени Николай Булгаков взял на себя обязанности защитника брата от возможных дополнительных политических неприятностей, учитывая, что имя Мастера у недругов, явных и тайных, было всегда на слуху, а во Франции у советских сыскных служб имелись свои «глаза и уши». Так, во французском варианте при постановке булгаковской «Зойкиной квартиры» на сцене чуть было не прозвучали вставленные без ведома автора

провокационные двусмысленные реплики с упоминанием Ленина и Сталина. Лишь усилиями Николая Афанасьевича режиссура отказалась от данной сенсационной, но опасной для М. Булгакова реплики. Вел Николай Афанасьевич и трудные переговоры с неким Каганским (прототип Рвацкого в «Театральном романе»), сумевшим финансово ущемить авторские права М. Булгакова на ряд его работ. Тут Николай Афанасьевич выступал истинным поверенным обманутого великого писателя.

Н.А. Булгаков глазами современников

Каким выглядит путь и научные прерогативы и предпочтения Н.А. Булгакова глазами современников? Особый интерес вызывают воспоминания (1967 г.) архиепископа русской церкви в Сан-Франциско Иоанна (Шаховского), опубликованные в 1994 г. племянницей М.А. Булгакова, доктором филологических наук Е.А. Земской.

«Год назад от сердечного приступа в г. Париже скончался и похоронен был 13 июля на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа доктор медицины Николай Афанасьевич Булгаков. Он и есть тот Николай из «Белой гвардии» и «Дней Турбиных»... Я расскажу о его жизни со слов его коллеги и друга, ныне доктора медицины и моего приехавшего в Сан-Франциско Иоанна (Шаховского), опубликованные в 1994 г. племянницей М.А. Булгакова, доктором филологических наук Е.А. Земской.

– Совместно Владимир Сертич и Николай Булгаков сделали несколько работ с ультрамикроскопическим веществом, называемым бактериофагом. В это время Д'Эрель ушел из Пастеровского института и организовал собственный институт по изучению бактериофага и его производству для лечебных целей. Сюда он и пригласил себе в помощь двух молодых ученых из г. Загреба.

В. Сертич был только ученым-бактериологом, преимущественно исследовательского плана. Н. Булгаков же не только занимался выделением из природы новых рас бактериофага, но и конструированием всех научных приборов и аппаратов, схемы которых он сам придумывал разрабатывал. Служили они для автоматического заполнения сразу нескольких ампул без соприкосновения с воздухом во избежание случайного заражения, то есть с гарантией абсолютной стерильности.

В одной из книг профессор Д'Эрель описывает, как он прислал из г. Лондона культуры стрептококков с поручением найти разрушающий их бактериофаг. Через две недели этот бактериофаг был ему доставлен. «Но, – пишет профессор Д'Эрель, – для того чтобы сделать подобную работу, нужно было быть Булгаковым с его способностями и точностью методики».

Началась война, Франция была оккупирована немецкими войсками, а в 1914 г. они заняли Югославию. Николай Афанасьевич был югославским подданным, во Франции его арестовали и как заложника отправили в лагерь Компьен. Н. Булгаков стал врачом лагеря: утешал одних, лечил других, помогал бегству третьих». (Заметим, что Николай Афанасьевич после освобождения Франции был удостоен ордена Почетного Легиона. – Прим. авт.)

– Когда встал вопрос о ввозе бактериофага в США специальная комиссия только потому дала нужное разрешение, что Н. Булгаков показал им свою коллекцию живых микробов – одну из богатейших в мире, занимающую несколько шкафов. Увидев не только эту коллекцию, но и работу машин, стерильно заполняющих ампулы, американская комиссия сейчас же дала разрешение на ввоз бактериофага.

Н.А. Булгаков

Во время болезни одного из моих помощников, когда никакие антибиотики не помогли, доктор Николай Афанасьевич Булгаков, найдя разрушающий данный микроб бактериофаг, прислал его в Сан-Франциско, и больной пастырь был исцелен.

Доктор Собесский так завершил свой рассказ: «Вот теперь мы похоронили и самого юнкера Николку Турбина, блестяще талантливого во всех отношениях, выдающегося человека, не знавшего компромиссов с совестью, отрицавшего всякого рода «разрушительную работу» (как он сам говорил), посвятившего всего себя созиданию – будь это машина для заполнения ампул или спектакль «Общество врачей» – всюду и всегда он работал больше всех. Теперь он успокоился. Это был глубоко верующий христианин – врач, большой ученый и исследователь, всесторонне талантливый и всюду душою и мыслями чисто русский светлый человек».

В 1939 г. переписка между Михаилом и Николаем Булгаковым навсегда обрывается из-за политического обострения в Европе и усиления «цензурных рогов». У каждого разворачивается своя драма. Лишь в 1960 г. Елене Сергеевне Булгаковой удается восстановить эту ниточку – уже между «Маргаритой» и Николаем Турбиным: «Теперь я хочу рассказать вам подробности о смерти Миши, как это ни трудно мне сделать. Но я понимаю, что вам это надо знать... – пишет Е.С. Булгакова в Париж. – Простите меня, Николай, я знаю, что Вам тяжело будет все это читать. Но ведь я чувствую все время, что Вы ждете от меня рассказа о его последних минутах. Он умер так же мужественно, как и жил. Вы очень верно сказали о том, что не всякий выбрал бы такой путь».

Свой благородный подвижнический путь избрал и Николай Булгаков. Казалось бы, перед нами частная жизнь. На самом деле, она дополняет Булгаковиаду нежными красками, говорит о чести и достоинстве как главных категориях и камертонах бытия. А летопись Национального медицинского университета, где начали свой путь талантливые врачи Михаил и Николай Булгаковы, этот очерк, хочется думать, лишь обогатит.

Но возвратимся во времена «Белой гвардии». «Повинуясь телефонному голосу, унтер-офицер Турбин Николай вывел двадцать восемь человек и через весь город провел их согласно маршруту... Здесь, на перекрестке, Николка должен был заставить образ третьей дружины и подкрепить его». «Никакого обряда не было... ждаль будем здесь», – сказал Николка юнкерам, стараясь, чтобы голос его звучал поувереннее... Это и есть Николка Турбин, будущий доктор медицины. Он и впрямь был опален этими давними событиями, чтобы через любимые комнаты на Андреевском спуске уйти в свое прекрасное жизненное путешествие. Если бы в мир не пришел этот чудесный роман «Белая гвардия» и имя его создателя не зазвенело, не было бы и дальнейшего бытия Дома Турбиных. И вот в эти его новые дни и тихие ночи из парижского далека как бы всматривается доктор Николай Булгаков, очаровательный Николка...

Подготовил Юрий Виленский